

«Хозяин, банкет начнется через полчаса...» Настойчивый голос дворецкого просочился сквозь узкую щель в двери хозяйской спальни, но в ответ – лишь тишина.

Цзи Цьюань не хотел игнорировать дворецкого, но сейчас он был не в силах произнести ни слова.

Его запястья, связанные шелковым галстуком, купленным им же, были подняты высоко над головой. Альфа-стопор, вставленный в рот Лу Чжоу, не позволял издать ни звука. По подбородку стекала слюна, а виновник его заточения, с видом невинного щенка, смотрел на него ласковыми глазами.

Ярость клокотала в груди Цзи Цьюаня, готовая вырваться наружу. Он попытался хрюканьем привлечь внимание Лу Чжоу, напомнить о необходимости прекратить эту нелепую игру.

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем Лу Чжоу, словно преодолевая внутреннюю борьбу, решился развязать галстук и извлечь из его рта пластиковый кляп. Длинные, густые ресницы отбрасывали тени на бледное лицо. Уголки губ приподнялись в улыбке, от которой веяло опасностью.

Цзи Цьюань отвернулся, избегая взгляда Лу Чжоу. Голос, сорвавшись, прозвучал хрипло: «Придурок».

«Брат просто развлекается», – легко рассмеялся Лу Чжоу, но не успел договорить, как Цзи Цьюань резко пнул его ногой. Альфе удар беты не причинил ему ни малейшей боли.

В глазах Цзи Цьюаня мелькнула тревога. Он торопливо произнес: «Банкет скоро начнется, поторапливайся».

«Я хочу, чтобы брат помог мне завязать галстук», – Лу Чжоу протянул ему смятый шелковый аксессуар, намекая, что Цзи Цьюань должен использовать именно его.

Цзи Цьюань не принял галстук.

Едва увидев его, он почувствовал прилив отчаяния. С презрительной усмешкой бросил: «Он слишком мятый, его нельзя носить».

«Я хочу надеть именно этот», – настаивал Лу Чжоу, не отступая. Он коснулся шеи Цзи Цьюаня, улавливая едва ощутимый молочный аромат. «Ну же, брат, помоги мне».

У Цзи Цьюаня не оставалось выбора. Скрепя сердце, он взял галстук. Взглянул на Лу Чжоу и произнес тоном дрессировщика, командующего собаке: «Встань на колени, и я завяжу тебе».

«Хорошо», – Лу Чжоу послушно опустился на колени прямо на кровать, напоминая верного пса, покоровшегося хозяину.

Цзи Цьюань повторил привычные движения, формируя классический виндзорский узел. Несмотря на помятость, галстук выглядел на Лу Чжоу на удивление элегантно.

Лу Чжоу обладал редкой, притягательной красотой. Даже облачившись в мешковину, он непременно выделялся бы из толпы.

Цзи Цьюань залюбовался четкими, угловатыми чертами его лица. На мгновение он почувствовал легкую растерянность. Альфа, которого он вырастил, превратился в такого взрослого, сильного мужчину.

«Брат, если ты будешь смотреть на меня так, я подумаю, что ты снова хочешь заняться этим со мной», – в словах Лу Чжоу звучал двусмысленный намек, от которого у Цзи Цьюаня заболела голова. Он не понимал, где Лу Чжоу набрался этих пошлых шуток. С каждым днем он изобретал новые способы смутить его.

Цзи Цьюань с силой оттолкнул Лу Чжоу ногой: «Отвали».

Несмотря на двойной пинок, Лу Чжоу оставался в прекрасном настроении. Встал с кровати и произнес: «Хорошо».

Цзи Цьюань подумал, что Лу Чжоу уходит, и облегченно вздохнул, но тот вдруг обернулся на пороге и добавил: «Брат, тебе лучше не выходить отсюда без моего разрешения. Сегодня здесь много людей, я боюсь, что не смогу тебя защитить».

Это повторилось снова.

Цзи Цьюань не знал почему, но в день рождения Лу Чжоу всегда запрещал ему покидать комнату. За все эти годы ни разу не случилось так, чтобы в праздник Лу Чжоу он смог выйти из главной спальни.

К счастью, Цзи Цьюань не любил шумные компании и светские мероприятия, поэтому заточение не слишком его беспокоило.

Он коротко кивнул в знак согласия. Сегодня он собирался наверстать все пропущенные им драмы, не выходя из спальни.

Лишь убедившись в согласии Цзи Цьюаня, Лу Чжоу спокойно покинул главную спальню.

Для Лу Чжоу Цзи Цьюань был словно канарейка в золотой клетке. Только он имел право

любоваться его красотой, а всем остальным было отказано даже в мимолетном взгляде.

Спустившись вниз, Лу Чжоу увидел банкетный зал, заполненный нарядными гостями, обменивающимися тостами и поздравлениями.

Мужчины в строгих костюмах и галстуках неторопливо прогуливались по залу, а дамы в роскошных вечерних платьях грациозно позировали под светом софитов, возвышаясь на высоких каблуках.

Лу Чжоу, единственный наследник семьи Лу, едва переступил порог банкетного зала, как его тут же окружили родственники и друзья, жаждущие выпить с ним за его здоровье. Однако Лу Чжоу, даже не взглянув на них, надменно проигнорировал.

Не смутившись, гости лишь льстиво улыбнулись и попытались приблизиться.

К нему подошел мужчина в дорогом костюме. Это был кузен Лу Чжоу, Лу Яньи.

Как и Лу Чжоу, Лу Яньи был наделен привлекательной внешностью. Однако в отличие от кузена, он слыл известным плейбоем, жизнь которого состояла из бесконечных романов и мимолетных связей.

В руке Лу Яньи держал бокал с шампанским. Он был слегка пьян. Положив руку на плечо Лу Чжоу, он произнес заплетающимся языком: «Лу Чжоу, не мог бы ты дать мне проект в Бин Сити?»

Лу Чжоу испытывал отвращение к любому физическому контакту, даже с кузенком. Его лицо помрачнело. «Кузен, ты пьян», – отрезал он.

«Я совсем не пьян», – Лу Яньи сделал большой глоток вина.

Обычно те, кто утверждают, что не пьяны, находятся в состоянии сильного опьянения.

Лу Чжоу подозвал слугу и приказал: «Проводите кузена наверх, в его комнату. Пусть отдохнет».

«Слушаюсь», – почтительно склонился слуга, бережно взял Лу Яньи под руку и повел его на второй этаж.

Лу Яньи крепко сжимал в руке бокал с вином, не замечая, как драгоценная жидкость проливается на пол. Поддерживаемый слугой, он шел по коридору второго этажа, прищуриваясь и осматриваясь по сторонам – то в сторону банкетного зала, то на потолок.

Внезапно он остановился, словно наткнувшись на невидимую преграду.

Ноздри уловили слабый, едва различимый молочный аромат омеги.

Запах был настолько тонким, что его практически невозможно было почувствовать. Но Лу Яньи, опытный сердцеед, отличался повышенной чувствительностью к омега-феромонам. Ему было достаточно одного мимолетного вдоха, чтобы безошибочно определить характер этого омеги.

Он представил себе прекрасную девушку, одновременно нежную и благоухающую.

Лу Яньи вырвался из рук слуги, положил ладонь на дверную ручку, осторожно повернул ее, и дверь беззвучно отворилась.

Она была не заперта.

Слуга попытался остановить его, но Лу Яньи уже успел войти внутрь.

Чуть покачиваясь, он пошел на едва уловимый молочный аромат. Приподнял тяжелую портьеру и, спотыкаясь, переступил порог.

В комнате царил полумрак. В спертom воздухе смешались кедровые феромоны, молочная сладость и едва различимый рыбный запах. Не составляло труда догадаться, что здесь недавно произошло.

В комнате работал телевизор. Лу Яньи поднял глаза и увидел мужчину, полулежавшего на кровати и увлеченно смотревшего фильм.

Его внешность была настолько безупречна, что единственным подходящим описанием казалось сравнение с фарфоровой статуэткой.

Лу Яньи никогда не видел таких омег – белокожих, с пронзительным, словно лезвие кинжала, взглядом. Его тело выглядело таким хрупким, что казалось треснет от малейшего прикосновения. Он превосходил даже самых прекрасных омег, с которыми доводилось развлекаться Лу Яньи.

«Какая красота», – пробормотал Лу Яньи, хватая Цзи Цьюаня за руку своими грубыми пальцами. Его глаза жадно пожирали его тело. «Как же ты вкусно пахнешь».

Брови Цзи Цьюаня нахмурились.

Он не понимал, почему этот альфа ворвался в его спальню без всякой причины и почему он утверждает, что от него приятно пахнет.

«Я так хочу...» Лу Яньи запнулся, его глаза загорелись одержимостью. «Я так хочу уничтожить тебя».

<http://bllate.org/book/14610/1296255>